

УДК 944:33

ФОРМИРОВАНИЕ ТРАДИЦИИ ИЗУЧЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ XVIII ВЕКА В РОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

А. В. Афонюшкина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 января 2009 г.

Аннотация: в статье рассматривается проблема освещения и оценки в российской общественно-политической мысли XIX в. Французской революции конца XVIII в. Анализируется подход демократической и либеральной публицистики к самой крупной из революций прошлого, что готовило почву для последующих исследований революционной проблематики российскими университетскими учеными второй половины XIX в.

Ключевые слова: российская демократическая и либеральная общественно-политическая мысль, Французская революция конца XVIII в., публицистика, историография.

Abstract: the article is concerned with the contribution of Russian democratic and liberal public thought and periodicals to the history of French revolution research — the main problem of modern history. It was previous to scientific elaboration of this subject.

Key words: French revolution research, public thought, historiography, Russian democratic and liberal periodical press.

В России XIX в., особенно с его середины, проявлялся живой и напряженный интерес к Французской революции конца XVIII в., прежде всего в связи с перспективами собственного дальнейшего развития по тому или другому пути — революции или реформы. Общественная и историческая мысль интенсивно работала в этом направлении. Четко определились и резко противостояли друг другу два подхода к самой крупной из революций прошлого с позиций основных общественных слоев сначала дореформенной, а потом и пореформенной России. В ходе борьбы между ними революция получала широкое общее, а в отдельных случаях и глубокое освещение, истолкование, оценку. Революционный опыт Франции, учитываемый и понимаемый положительно или отрицательно, играл исключительно важную роль в обобщающих построениях русских публицистов, историков, мыслителей революционно-демократического, либерально-реформистского и официального, охранительного направлений, включая все представленные в них течения и оттенки.

Интерес к крупнейшей из западноевропейских революций вытекал из социальных про-

тиворечий самодержавно-крепостнической России, историческое развитие которой шло навстречу буржуазно-демократической революции. Основным вопросом российской действительности в XIX в. был крестьянский вопрос, накладывавший решающий отпечаток на развитие русской научной и общественной мысли, а тем самым и на подходы к проблеме Французской революции. Характерный для русской общественной мысли подход к центральной, стержневой проблеме новой истории — к истории революций — обуславливал постановку основных вопросов древней, средневековой и, разумеется, отечественной истории.

Началу научного, основанного на анализе документального материала университетского этапа разработки революционной проблематики в России предшествовало складывание традиции освещения тех же событий общественной мыслью. Выяснение вопроса о том, что представлял собой фундамент для научного исследования российской университетской профессурой проблем Французской революции, вызывает значительный интерес.

Советская историография новой истории отводила ведущую роль в создании российской традиции изучения новой истории, истории революций, считавшимся наиболее передовыми направлениям общественной мысли

России — революционно-демократическому и марксизму. В настоящее время значение изданных в СССР академических изданий полных собраний сочинений В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова состоит в первую очередь в возможности современного их прочтения. Это необходимо сделать без ориентации на то, насколько взгляды революционных демократов приблизились к материалистическому пониманию истории, насколько соответствовали марксистским установкам изучения прошлого. Без предвзятости следует рассмотреть и трактовку событий во Франции конца XVIII в. основоположниками российской либеральной общественной мысли, за которыми в советской науке прочно закрепился ярлык «буржуазных».

В процессе развития российской общественной и научной мысли образовалась яркая и своеобразная традиция постановки проблемы Французской революции XVIII в., общего подхода к ее событиям и ее оценки. Своими корнями она уходит в XVIII в., ее зарождение было связано с тем, что революция эта с самого начала воспринималась в России сквозь призму Крестьянской войны 1773—1775 гг. и других крестьянских движений.

Между тем до конца 70-х гг. XIX в. в российской научной литературе не было ни одной крупной конкретно-исторической работы, посвященной Французской революции конца XVIII в. Единственным объяснением этого глубокого несоответствия, этой внешней несобразности является тот почти безусловный запрет, который был наложен царской цензурой на темы, связанные с революцией.

Характерное в данном отношении свидетельство принадлежит профессору физики Московского университета, известному и в качестве публициста, сотрудника «Русского вестника» и «Московских ведомостей», Николаю Алексеевичу Любимову (1830—1897). В 1880 г., в обстановке демократического подъема в стране, Н. А. Любимов приступил под псевдонимом «Варфоломей Кочнев» к печатанию на страницах «Русского вестника» ряда «бесед» о Французской революции под очень знаменательным для того времени заглавием «Против течения» [1]. В 1893 г. Любимов переиздал свои «беседы», но уже не в форме диалога, а в расширенном и переработанном в качестве отдельной книги виде под названием «Крушение монархии во Франции». Крупнейший российский специалист в области историографии Французской революции XVIII в. Н. И. Кареев неоднократно обращался в своих иссле-

дованиях к этому труду [2, с. 29—33; 3, с. 148—150]. «Лет тридцать почти тому назад, в наши студенческие годы, под каким великим запретом и в печати и на кафедрах было у нас слово «революция», — писал в первом из своих «разговоров» Любимов. — В университетских библиотеках книги, где говорится о революции, были отставлены в особые шкафы. На сочинениях, авторы которых более или менее сочувственно относятся к событию, красовался ярлык «запрещено безусловно». Их не давали даже профессорам, разве потихоньку. На простых повествованиях о происшествиях запрещенной эпохи, мемуарах, сборниках, документах значилось: «запрещено для публики». Эти не выдавались студентам и посторонним читателям» [1, с. 613].

Свидетельство Н. А. Любимова имеет тем большую ценность, что автора трудно заподозрить в преувеличении. В юности, подобно значительной части своих образованных сверстников, он разделял «просветительские» настроения и идеи: «Какое, бывало, наслаждение доставлял добытый от какого-нибудь обладателя запрещенного плода, профессора или иного счастливца, на самое короткое время опасный том какой-нибудь истории революции, в котором, казалось, и заключается самая-то скрываемая истина. Помнишь, с какою жадностью одолевали мы в одну ночь том Мишле, Луи Блана в четыреста, пятьсот страниц... Надо признаться, что нашим юношеским увлечениям немало содействовало то обстоятельство, что в литературных и профессорских кружках, имевших наиболее влияния на молодые умы, этот «культ революции», если не в подробностях исполнения ее программы, то в ее началах, идеях, неотразимо-де имеющих осуществиться и отделить новый мир от старого, принадлежал к числу основных убеждений. Французские приверженцы революционного культа не из крайних называют эти начала «бессмертными началами 89 года». Мы понимали их менее определенно, но шире, включая революцию как самую капитальную часть в общее понятие об историческом прогрессе. Разумели под началами этими все стремящееся и обещающее переделать неудовлетворительный существующий порядок на новый, непременно лучший — свободу во всех видах, борьбу со всякими притеснениями, изобличение злоупотреблений, уничтожение предрассудков, словом, целый винегрет прогресса, осуществить который мешает только невежество масс, коснеющих и удерживаемых в предрас-

судках, а также своекорыстные людей, власть имеющих» [1, с. 614].

В 1876 г. Н. А. Любимов принимал участие в комиссии под председательством И. Д. Делянова, ревизовавшей университет, и составил «Записку о недостатках нынешнего состояния наших университетов», немало способствовавшую изданию нового университетского устава. Тем ценнее выглядит заключение профессора, что «все эти запреты не помешали революционным идеям чрез все преграды проникать в молодые умы». Заключение это подкреплялось у автора весьма реалистическим, при всей его враждебности, описанием широко распространенного в прогрессивных кругах тогдашней России «культу революции» с его первоначально еще смутными, расплывчатыми, чисто «просветительскими», а позднее гораздо более четкими и определенными революционно-демократическими чертами: «Тогда лежала целая пропасть между практической жизнью и теоретическими идеями, для самого незначительного меньшинства имевшими сколько-нибудь серьезную цену. Для большинства причислявших себя тогда к современно-образованным людям идеи эти проходили в уме легким и неясным облаком. Культ революции являлся в форме отдаленного поклонения и лишен был практического значения и силы. Далеко не то теперь, когда так бродят в обществе стремления к деятельной политической жизни...» [1, с. 616—617].

Исходным моментом развития демократической традиции в общественной мысли России была высказанная А. Н. Радищевым мысль о закономерности и благодетельности народной, крестьянской, «мужицкой» революции в России [4, т. 1, с. 368—369]. Знаменательно, что мысль эта зародилась у человека, который пережил Крестьянскую войну 1773—1775 гг., и была высказана им уже после того, как в 1789 г. разразилась революция во Франции.

Основы единой и цельной исторической концепции из отдельных элементов демократического подхода к истории своих предшественников, начиная с А. Н. Радищева, заложил В. Г. Белинский. Одним из главных ее элементов стала идея исторической закономерности революционного пути вообще и безусловной неизбежности и необходимости демократической, народной революции в России. В том же направлении развивались и исторические взгляды А. И. Герцена и Н. П. Огарева, прошедших долгий и сложный путь от дворянской революционности на

раннем этапе их политического развития к революционному демократизму 60-х гг. Находясь в эмиграции, они могли беспрепятственно развивать и отстаивать свои идеи в созданной ими за рубежом бесцензурной русской прессе.

Идея об определяющем значении в развитии русской общественной, в том числе и исторической, мысли XIX в. демократической ее тенденции была выражена Н. Г. Чернышевским в его отзыве о В. Г. Белинском в «Очерках гоголевского периода русской литературы». Чернышевский писал там о Белинском как о человеке, верность суждений которого «вообще такова, что люди, восставшие против него, почти всегда правы были только в том, что заимствовали у него же самого», и «если толкуют иначе, так это только потому, что вдаются или в односторонность, или в очевидное пристрастие» [5, т. 3, с. 255].

Наиболее полного, цельного, законченного выражения демократическая концепция Французской революции XVIII в. достигла в 50—60-х гг. у Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. Последовательно разрабатывая идею единой исторической закономерности развития Запада и России — теоретическую основу их твердой уверенности в неизбежности революции, Чернышевский и Добролюбов подчиняли этой идее свой подход к основным вопросам и зарубежного прошлого и современности, рассматривая их в неразрывной взаимной связи.

Превосходно понимая глубокую антагонистичность российских общественных классов, идеологи крестьянской революции в России ставили проблему Французской революции XVIII столетия прямо, резко и определенно как проблему острого взрыва социальных противоречий, социальной борьбы, как еще не превзойденной тогда по своему размаху народной революции.

Во Французской революции Чернышевский и Добролюбов видели неопровержимое доказательство на конкретном историческом примере того, что и Россия может, а следовательно, и должна вступить на тот же путь решительной ликвидации самодержавно-крепостнического строя «снизу», на путь народной революции.

Революционным демократам ясна была вместе с тем и историческая ограниченность первой французской и всех других известных им революций, антинародный характер вышедших из них порядков. «Как только одержива-

ют в своем союзе верх над получающим ренту классом сословие капиталистов и сословие работников, история страны получает главным своим содержанием борьбу среднего сословия с народом», — писал Чернышевский [5, т. 9, с. 516]. К аналогичному выводу из наблюдений над развитием социальной борьбы в прошлом и в современной ему действительности приходил и Добролюбов, когда подчеркивал, что «с развитием просвещения в эксплуатирующих классах только форма эксплуатации меняется и делается более ловкою и утонченною, но сущность все-таки остается та же, пока остается по-прежнему возможность эксплуатации» [6, т. 2, с. 133].

Данные идеи Чернышевский, Добролюбов и их соратники, ученики и ближайшие последователи — Д. И. Писарев и др. — развивали в ряде статей, обзоров, рецензий, в той или иной степени относящихся к новой истории, и в частности, к проблематике Французской революции.

Представители русской революционно-демократической мысли рассматривали, таким образом, Французскую революцию конца XVIII в. в свете основных задач современной им российской действительности, в свете назревших в их время в стране коренных социальных и политических преобразований, последовательное осуществление которых в процессе массовой крестьянской революции только и могло, по их глубокому убеждению, вывести русский народ на широкую дорогу свободного исторического развития.

В общих исторических построениях либеральные противники революционных демократов, и прежде всего наиболее крупные и влиятельные из них — корифеи «государственной» исторической школы К. Д. Кавелин, С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин — исходили, разумеется, также из российской действительности. На западноевропейские революции, и особенно на Французскую революцию конца XVIII столетия, они, подобно революционным демократам, смотрели сквозь призму исторического опыта русских крестьянских войн и восстаний, но, в противоположность революционным демократам, не в качестве «защитников притесняемых», а в качестве «защитников притеснений», по выражению Н. Г. Чернышевского. Но проявлялось это у них обычно не в явной и прямой, а в скрытой, замаскированной форме.

Лишь изредка упоминая революцию прямо, представители государственной исторической школы никогда не упускали ее из виду и

постоянно исходили из ее уроков в общей постановке основного в их время — крестьянского вопроса — в связи с другими коренными вопросами российской жизни и русской истории.

Либералы всячески ограничивали идею неизбежности революции снизу, народной революции. Наиболее правые из них, например, Б. Н. Чичерин, склонны были отрицать эту идею вовсе — заодно с теми представителями общественной мысли, которые всеми силами стремились низвести разразившуюся во Франции в конце XVIII в. революцию вместе со всеми другими революциями в истории человечества до уровня «слепой случайности». «Революция 1793 г., которую многие понимают как движение идей, есть не что иное, как случайный ход обстоятельств. Будь на месте Людовика 16-го Иосиф 2-й или Наполеон, революции никогда бы не было», — писал еще в 1848 г. Б. Н. Чичерин в своем юношеском дневнике [7, с. 2].

Сложнее и тоньше подходили к проблеме Французской революции в ее отношении к российскому прошлому и российской действительности К. Д. Кавелин и С. М. Соловьев. Оба они были старше Чичерина и вступили на общественное и научное поприще еще до того крупного и важного этапа размежевания между демократическим и либерально-реформистским направлениями, который связан был с 1848 г. и уже частично предвосхищал основные черты завершающего этапа их размежевания в конце 50 — начале 60-х гг. XIX в.

Исходный момент развития политических и научных взглядов К. Д. Кавелина и тот импульс, который он получил тогда от основоположника российской революционно-демократической традиции В. Г. Белинского, не могли не оставить своего отпечатка и на позднейших его исторических взглядах, несмотря на противоположность демократическому мировоззрению идеологии Кавелина, заложенных им и его единомышленниками основ русского либерализма.

В своих преимущественно публицистических статьях, записках, брошюрах, памфлетах К. Д. Кавелин, руководимый общим с Чичериным страхом перед угрозой превращения «полумирных бунтов» крестьян в то, что он с ненавистью именовал «бессмысленной резней», не предпринимал тем не менее, как это делал Б. Н. Чичерин, прямых попыток поставить под сомнение историческую закономерность революционного пути развития Франции в конце XVIII в. Принцип исторической

закономерности так ярко и убедительно провозглашен был Белинским, что его современникам, испытавшим на себе в той или иной мере силу его идейного воздействия, трудно было отрицать этот принцип прямо. В полемике со своими политическими противниками по вопросам, не столько непосредственно, сколько косвенно связанным с Французской революцией, Кавелин действовал поэтому иначе, чем Чичерин. В противоположность революционным демократам Кавелин делал основной упор на противопоставлении революционному французскому пути остававшегося, как он внушал себе и другим, у России «якоря спасения» — реформы, главную задачу которой он видел в обеспечении возможности иного — «мирного», «органического» пути развития, «без скачков и прыжков», по его крылатому выражению.

Близким к подходу Кавелина был и подход к вопросу о закономерности революции самого выдающегося из историков России середины XIX в. С. М. Соловьева. В идейно-политическом отношении весь огромный по объему и исключительно важный по материалам, по частным наблюдениям и обобщениям труд Соловьева представлял собой самую крупную попытку конкретного, детального исторического обоснования общей с Кавелиным, Чичериным и другими современными ему либералами политической тенденции, направленной своим острием против тех, «кто вооружаются вообще против преобразований, идущих сверху» [8, с. 441]. Скрытым стержнем всего построения «Истории России с древнейших времен» было по существу то же, что и у К. Д. Кавелина, резкое противопоставление пройденного Россией и предначертанного якобы ей дальнейшего исторического пути революционному пути Франции. В центре противопоставления Соловьевым России и Франции стояла петровская реформа, или, как он называл ее, «наша революция начала XVIII века» — с одной стороны, и «политическая революция, последовавшая во Франции в конце этого века», — с другой стороны. Противопоставляя Россию Франции с позиций либерала, Соловьев в то же время пытался свести все различие конкретных исторических судеб русского и французского народов к крайне упрощенной схеме. «В России, — формулировал свою мысль Соловьев, — один человек, одаренный небывалою силою, взял в свои руки направление революционного движения, и этот человек был прирожденный глава государства», тогда как во Франции

«слабое правительство не устояло — и произошли известные печальные явления, которое до сих пор отзывается в стране». Исходя из принципа закономерности исторического развития — этой лучшей черты своей исторической методологии, Соловьев не просто признавал, но и настойчиво подчеркивал неразрывную связь Французской революции со «всем предшествовавшим ходом французской истории, которого революция была необходимым следствием». Столь же настойчиво он подчеркивал, что и «наша революция в начале XVIII века была необходимым следствием всей предшествовавшей нашей истории», «которая привела к такой революции» [8, с. 440].

В плане проводимого Соловьевым противопоставления России и Франции все это нужно было ему в конечном счете лишь для того, чтобы превратить «революцию», произведенную якобы Петром I, в не менее закономерную, чем Французская революция, русскую ее противоположность.

Основная политическая задача, которую преследовал Соловьев всей своей упорной, долгодетней, невероятно продуктивной деятельностью историка, заключалась, таким образом, в том, чтобы доказать одно главное для него положение, центральную в системе его взглядов мысль, составившую общий фон всех 29 томов его «Истории России с древнейших времен». Сводилась она к тому, что в противоположность Франции, всем ходом своего развития «обреченной» на революционный путь, неизбежным и необходимым следствием всей тысячелетней истории России являются якобы «преобразования, идущие сверху», — по образу и подобию возглавленной Петром I «революции». И чем более обострялась социальная напряженность в России, тем настойчивей Соловьев проводил свою излюбленную идею, тем крепче держался ее, пока не стал убеждаться к концу жизни, в годы назревавшего уже тогда нового революционного подъема, в обманчивости, ненадежности, шаткости своих политических и научных иллюзий.

Соловьеву ясно было «болезненное», как он выражался, состояние самодержавно-крепостнической России. В противовес славянофилам он даже слишком односторонне подчеркивал «несостоятельность во всем, несостоятельность материальную и нравственную», говоря о допетровском времени, но явно исходя из прямой аналогии с современной ему действительностью. Ясна была ему и необходимость коренной ломки, революционных по сути дела преобразований при всем его отрицательном

отношении к революционным методам. «Что не было сделано исподволь, постепенно и поэтому легко и спокойно, — писал он, — то приходится делать потом вдруг, с болезненными напряжениями, которые мы называем революциями» [8, с. 440]. Но именно поэтому вся энергия опасавшегося подлинной революции либерала Соловьева направлена была на то, чтобы неизбежный, «страшный», с его точки зрения, «переворот», «болезненный», как он считал, «перелом в жизни народной» был осуществлен не руками самого народа, не снизу, не по типу народной революции во Франции XVIII столетия, а царским правительством, чтобы «дело шло сверху», по типу той мнимой «революции», в которую Соловьев превращал петровские реформы [8, с. 439]. Свое основное призвание общественно-го деятеля и ученого Соловьев видел в том, чтобы подвести незыблемый, как он рассчитывал, исторический фундамент под программу «революции сверху».

Развивая и углубляя в последовательно антиреволюционном направлении исторический тезис о Петре I как «революционере на троне», Соловьев следовал за виднейшим представителем французского Просвещения XVIII в. Вольтером, предвосхитившим в созданной им «Истории Петра Великого», этой исторической утопии «просвещенного абсолютизма», в качестве антитезиса назревавшей Французской революции идею «реформирования сверху» [9, с. 19—20].

С. М. Соловьев выступал во всеоружии своих колоссальных знаний, своей исторической эрудиции одним из главных адвокатов революции только в самой общей, самой неопределенной форме — гораздо менее конкретно и уж, во всяком случае, менее определено, чем революционные демократы. В силу собственного глубокого отвращения к революции он лояльно подчинялся в этом, как, впрочем, и в других отношениях, требованиям правительства.

Однако ни из истории, ни из сознания образованных кругов российского общества вычеркнуть революцию было уже невозможно. Тот факт, что сторонники «охранительных начал» всячески замалчивали опыт Франции, уроки ее революционного прошлого, а люди «либерального образа мыслей» старались по возможности обходить эту и для них щекотливую тему, поставил в конце концов в затруднительное положение как правительство, так и либералов. В весьма важной в то время области идейно-политической борьбы это

создавало своеобразное преимущество революционным демократам. Они во главе с Чернышевским умели проводить «через препоны и рогатки цензуры» идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей. Трудно переоценить роль, которую играли при этом исторические традиции Французской революции XVIII в. — традиции, приобретающие под их пером новый смысл и значение в свете собственного исторического опыта русского народа.

Предписанное правительством воздержание официальных историков и историков-либералов от конкретного освещения революционных тем, противопоставленное общей постановке этих вопросов революционными демократами, лишь еще более способствовало вызывавшемуся всеми условиями российской действительности широкому распространению того, что реакционеры называли «культом революции», а либералы — «догматической верой в революцию». Либералы, а в конце концов и правительство, не могли не учесть этого.

Университетский устав 1863 г. и закон о печати 1865 г., вошедший в силу уже после подавления демократического подъема предшествующих лет, несколько все же облегчили академические и цензурные стеснения. Обращение к революционной проблематике было значительно облегчено. Правда, в ближайшее десятилетие изучение Французской революции XVIII в. будет выражено в России главным образом в публикации переводов трудов зарубежных историков, снабжаемых предисловиями и комментариями. Это, однако, готовило почву для последующих исследований революционной проблематики российскими университетскими учеными второй половины XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Варфоломей Кочнев*. Против течения. Беседы о революции. Наброски и очерки в разговорах двух приятелей / Варфоломей Кочнев // *Русский вестник*. — 1880. — Август.
2. *Кареев Н. И.* Работы русских ученых по истории Французской революции / Н. И. Кареев // *Изв. С.-Петербург. политех. ин-та*. — 1904. — Т. 1.
3. *Кареев Н. И.* Историка Французской революции. Изучение Французской революции вне Франции / Н. И. Кареев. — Л., 1925. — Т. 3.

4. Радищев А. Н. Полн. собр. соч. : в 2 т. / А. Н. Радищев. — М., 1938—1941.

5. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. : в 15 т. / Н. Г. Чернышевский. — М., 1947—1950.

6. Добролюбов Н. А. Избранные философские сочинения : в 2 т. / Н. А. Добролюбов. — [М.], 1945—1946.

7. Рукописный Отдел Российской Государственной библиотеки. — Ф. 334. — Папка 17. — Д. 5.

8. Соловьев С. М. История России с древнейших времен : в 29 т. / С. М. Соловьев. — М., 1958—1966. — Т. 13/14. — Кн. 7.

9. Поршнев Б. Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623—1648) / Б. Ф. Поршнев. — М., 1948.

*Воронежский государственный университет
Афонюшкина А. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории средних веков и зарубежных славянских народов
medieval@hist.vsu.ru
Тел.: 24-75-14*

*Voronezh State University
Afonushkina A. V., Candidate of the Historical Science, Docent of the Department of the Middle Ages History and Foreign Slavic Studies
medieval@hist.vsu.ru
Tel.: 24-75-14*